

Фан Сынун не отрываясь следил за настенными часами в столовой.

Когда секундная стрелка преодолела половину последнего круга перед семью часами, снаружи донесся резкий, надрывный визг тормозов.

Он тут же выбежал наружу. Юй Цюся попытался перехватить его, но не успел удержать.

Сердце Юй Цюся тревожно сжалось, но он не бросился следом, а лишь замер, напряженно вглядываясь в дверной проем.

«Десять, девять, восемь...» — мысленно вел он отсчет.

«Четыре, три...»

Наконец в дом один за другим торопливо вошли остальные. Фан Сынун и Пу Тяньбай несли Юань Гуаньцзюнь.

Юй Цюся быстро окинул взглядом вернувшихся — слава богу, никто не пропал.

Чжань Чэнсяо поспешил им навстречу:

— Что произошло? Что с ней?

— Ох, лучше и не спрашивай, — Пу Тяньбай, чье лицо и волосы были густо припорошены песком, сперва тяжело закашлялся и лишь затем выдавил: — Почти сразу после выхода мы попали в песчаную бурю. Компас взбесился, стрелка крутилась как сумасшедшая. Если бы мы не бросали по пути мелкие камешки, то точно сгинули бы там.

— А как же учитель Юань? — подал голос Цзин Шипин.

— Там, в самой буре, мы кое-что увидели... — ответила на этот раз Яо Ван. Лицо её побледнело при воспоминании. — Учитель Юань сказала, что это иллюзия, и как-то заблокировала её для нас. Наверное, это стоило ей слишком больших сил, вот она и потеряла сознание.

В этот момент из темного проема кухни донесся голос Ху Бая:

— Ужин готов. Пожалуйста, зайдите и заберите блюда.

Все присутствующие разом замерли.

Семь часов уже миновало. Раньше Ху Бай всегда сам минута в минуту выносил еду, но сегодня почему-то звал их внутрь.

Если что-то идет вопреки привычному порядку, жди беды. А здешние беды никогда не сулили ничего хорошего.

Пока все растерянно переглядывались, Фан Сынун поднялся:

— Я схожу.

Но едва он выпрямился, его запястье стальной хваткой сжалось в пальцах Юй Цюся. Фан Сынун обернулся и увидел, что лицо друга потемнело, словно перед грозой. Он ожидал, что тот станет его отговаривать, но Юй Цюся лишь коротко бросил:

— Вместе.

Как бы то ни было, спорить с ключевым NPC — а Юй Цюся вполне мог оказаться главным действующим лицом этой истории — никто не решился. К тому же войти в кухню все равно было необходимо.

Юй Цюся, не дожидаясь ответа, первым направился к дверям. Фан Сынун молча ускорил шаг, чтобы не отставать.

После залитой ярким светом столовой кухня показалась им мрачным провалом. Переступив порог, они с трудом различили очертания предметов. Людей внутри не было — лишь на плите выстроились тарелки с дымящейся едой и лежали столовые приборы.

— Это все нужно вынести? — спросил Юй Цюся в полумрак.

— Да, — донесся глухой голос Ху Бая откуда-то наискосок впереди.

Повернувшись на звук, Фан Сынун заметил в углу кухни плотную занавеску. Должно быть, Ху Бай прятался за ней. Из маленького окошка за ширмой слабо пробивался свет, очерчивая на ткани неясный силуэт. Было видно, что хозяин сидит на низком табурете, сгорбившись и низко опустив голову. Голос его звучал на редкость безжизненно, из него словно выкачали все силы.

Внезапно Юй Цюся легко шлепнул Фан Сынуна по тыльной стороне ладони, возвращая к реальности и напоминая, что нужно быстрее забирать тарелки.

Они благополучно вынесли ужин в столовую. Остальные смотрели на них с немым вопросом, но из-за того, что Ху Бай находился совсем рядом, за тонкой перегородкой, расспрашивать никто не решился.

Юй Цюся совершенно невозмутимо раздал приборы, приглашая всех к столу, а затем негромко спросил Яо Ван:

— Вы упомянули, что видели что-то в буре. Что именно это было?

Яо Ван изменилась в лице. Фан Сынун заметил, что точно так же побледнели и все те, кто ездил с ней.

— Это походило на... копошащиеся, шевелящиеся обрубки тел.

Едва она произнесла это, как за столом воцарилась гробовая тишина. Хуа Тяньсяо шмыгнул носом и тихо, жалобно заплакал.

Юй Цюся спокойно кивнул:

— Сперва ужин. Закончим — и займемся делом.

Сегодня шла уже пятая ночь. Из тринадцати человек, вошедших в этот дом, осталось всего девять. Да и те походили на разбитое войско: Юань Гуаньцзюнь лежала без чувств, а Хуа Тяньсяо балансировал на грани полного безумия. Весь отряд окутывала беспросветная тоска.

Фан Сынун молча жевал пресный рис, подавляя тяжелый вздох. Вчера ему повезло уцелеть, но теперь его снова грызли сомнения: выберется ли хоть кто-то из них отсюда живым?

Мрачные мысли, впрочем, промелькнули и исчезли — он заставил себя отвлечься. Что задумал Юй Цюся на этот вечер?

За последние дни Фан Сынун успел заметить одну закономерность: обычно, накрыв на стол, Ху Бай отправлялся бродить вокруг здания и возвращался убирать посуду, только когда все заканчивали ужинать. Проще говоря, с семи до восьми вечера постояльцы были предоставлены сами себе. Но сегодня хозяин остался на кухне, и это ломало все прежние расчеты.

Впрочем, Юй Цюся, похоже, предвидел это. Наспех поев, он увёл с собой всех мужчин, за исключением Хуа Тяньсяо, сделав знак остальным продолжать ужин.

Фан Сынун сразу понял его замысел: пока в столовой оставались люди, Ху Бай не выйдет убирать со стола, а значит, ушедшие выигрывали драгоценное время. Яо Ван, оставшаяся приглядывать за Юань Гуаньцзюнь и забившимся в истерику парнем, тоже быстро сообразила, в чем дело, и молча кивнула.

Но что именно задумал Юй Цюся?

— Ты уверен? — спросил кто-то.

Они стояли в комнате в самом конце коридора на четвертом этаже, обступив кровать.

Юй Цюся привел их сюда без лишних объяснений. Стоило ему нажать на ручку, как дверь легко поддалась. Комната оказалась точно такой же, как на пятом и шестом этажах: две кровати и отдельный санузел.

После этого Юй Цюся велел им отодвинуть кровать и начать вскрывать пол под ней.

Если Фан Сынун и Пу Тяньбай, безоговорочно верившие другу, сразу взялись за дело, то остальные замялись.

— Помнится, в правилах четко сказано: «под кроватью ничего нет», — нахмурился Чу Шэньнань. — А ты предлагаешь нам ломать пол именно там?

— Когда мы отодвинем кровать, это место перестанет считаться «под кроватью», — парировал Юй Цюся.

— Серьезно? Так тоже можно выворачивать правила?

Юй Цюся не стал тратить время на препирательства. Вместе с Фан Сынунем и Пу Тяньбаем они подхватили тяжелый каркас кровати и прислонили его к стене, обнажив серый плиточный пол.

— Даже если так, — заговорил Цзин Шипин, — обычной лопатой плитку не пробить...

Он не успел договорить. Фан Сынун с размаху вонзил острие штыковой лопаты прямо в шов. К его собственному удивлению, плитка поддалась с мягким шуршанием. На ощупь покрытие напоминало вовсе не обожженную глину, а обычную слежавшуюся землю.

Пу Тяньбай тут же принялся помогать ему. Юй Цюся для приличия тоже сделал пару ленивых взмахов.

Вдруг Пу Тяньбай удивленно охнул — его лопата звякнула о что-то твердое. Все в комнате затаили дыхание, не сводя глаз с ямы. Парень сделал еще несколько движений, выворачивая наружу покрытый серой пылью комок.

Сперва никто не разобрал, что это, и лишь Чжань Чэнсяо резко отпрянул, зажав рот ладонью.

— Что там? — заметив его испуг, быстро спросил Цзин Шипин.

— Человеческая нога, — прошептал Чжань Чэнсяо.

Пу Тяньбай, не расслышав слов доктора, как раз обмотал ладонь куском простыни и ухватился за находку. Почувствовав под пальцами податливую плоть, он с коротким вскриком отпрянул.

Это действительно была человеческая ступня.

Фан Сынун, однако, не остановился. Он продолжал методично копать, выкапывая один обрубок за другим. Смахнув с них налипшую землю и серую пыль, он разглядел на посиневшей коже странные гематомы, похожие на очертания цветов.

Цзин Шипин повернулся к Юй Цюся:

— Объясни, что происходит? Ты ведь уже разгадал сценарий, да?

Но Юй Цюся лишь покачал головой:

— Вовсе нет. Я просто подумал, что в подобных мирах обычно есть четкие сроки, но нам их не назвали. Если исходить из того, что за ночь гибнет один человек, мир должен длиться тринадцать дней? Вряд ли. Это слишком долго, да и исход непредсказуем. А потом я вспомнил про загадочные стуки, которые с каждой ночью раздавались все ближе...

— Хочешь сказать, эта дрянь с каждым днем поднимается все выше? — догадался Чу Шэньнань.

— Скорее всего, — подтвердил Юй Цюся. — Четвертая ночь миновала, и вот они уже на четвертом этаже.

Все невольно переглянулись.

— И если бы мы сегодня их не нашли... — выдавил Чжань Чэнсяо.

— То ночью они устроились бы под вашими кроватями, — совершенно спокойно, без тени страха закончил Юй Цюся. — Да ладно вам, не переживайте. Вообще-то я хотел раскопать все еще вчера, но замотался и забыл.

Чжань Чэнсяо, Цзин Шипин и Чу Шэньнань лишь безмолвно уставились на него.

— Получается, шестой этаж изначально был самым безопасным местом? — сообразил наконец Пу Тяньбай.

— Разумеется, Мир всегда дает новичкам небольшую фору, — легко отозвался Юй Цюся, после чего повернулся к остальной троице: — Тогда две комнаты возле лестницы на вашей совести. Выкапывайте всё, пакуйте в мешки и тащите на первый этаж.

Благо в лавке они догадались купить плотные плетеные мешки. Троица спорить не решилась и торопливо покинула комнату.

Фан Сынун и Пу Тяньбай вернулись к прерванному занятию.

Юй Цюся поначалу еще помогал для приличия, но стоило им закончить с первой комнатой, как его запал иссяк. Когда Пу Тяньбай, взвалив на плечо набитый мешок, перебрался в соседнюю спальню, Юй Цюся вышел в коридор и закурил. Вернувшись, он просто привалился плечом к стене и лениво пускал дым, больше не притрагиваясь к лопате. Разумеется, никто из парней не стал его упрекать.

Фан Сынун работал спиной к нему. Лопатка с глухим стуком вонзалась в землю. Он спиной чувствовал чужой взгляд, но оборачиваться не хотел, отчего внутри росло глухое раздражение. Да еще этот сигаретный дым... Фан Сынун злился на себя за эти глупые мысли: высказывать недовольство глупо, лезть с советами — неуместно. В итоге всю накопившуюся злость он срывал на несчастной лопате, вгоняя её в пол с глухим остервенением.

Пытаясь хоть как-то отвлечься, он спросил:

— И кто же здесь похоронен?

— Может, тот самый неверный муж, а может, другие его дети, — лениво отозвался из угла Юй Цюся. — Кто разберет?

От этого хриплого, уставшего голоса у Фан Сынуна защемило сердце. Он знал, что Юй Цюся почти не спал все эти дни, выбиваясь из сил.

Раздражение сменилось глухой тоской. Не выдержав, он обернулся и протянул руку:

— Дай и мне затынуться.

Юй Цюся молча посмотрел на него, удивленно моргнув красивыми глазами, а затем вынул собственную сигарету изо рта и вставил прямо ему в губы.

Фан Сынун замер.

Пу Тяньбай, не замечая их немного диалога, продолжал усердно копать. Почувствовав, что в комнате повисла странная тишина, он решил, что момент самый подходящий, и негромко

спросил:

— Брат Юй, ну прояви милосердие, скажи... Куда делась Иньинь?

Фан Сынун точно очнулся от наваждения. Он поспешно отвел взгляд, глубоко затянулся и тут же закашлялся от непривычно крепкого дыма.

Юй Цюся проводил его долгим взглядом. Повисла тяжелая пауза.

— Я и сам её ищу, — негромко признался он наконец.

— Что? — Пу Тяньбай резко выпрямился, уставившись на него во все глаза. — Значит, Иньинь действительно бесследно исчезла?

Юй Цюся молча выпустил изо рта тонкую струйку дыма и кивнул:

— Да.

Пу Тяньбай хотел спросить что-то еще, но Фан Сынун крепко схватил его за плечо.

Голос друга дрожал так сильно, что у Пу Тяньбая внутри все похолодело.

Фан Сынун неотрывно смотрел на обрубок плоти, вывороченный лопатой Пу Тяньбая. Он отчаянно надеялся, что зрение обманывает его сквозь пелену сизого дыма.

Но все же выдавил из себя:

— Посмотри... Это ведь одежда Хуа Тяньсяо?

<http://bllate.org/book/20607/2149318>